

Неестественная сторона природы

Рафаэль Холмберг*

Аннотация

Когда мы думаем о природе, кажется очевидным, что мы думаем о чём-то самоочевидном и легко определяемом, таком как биологические процессы, геология, физические частицы, структуры ДНК — другими словами, материальная реальность мира, которая независима от любого субъективного толкования, независима от любой моральной или этической оценки или, короче говоря, от любой «культурной» перспективы. Когда мы думаем о природе, другими словами, легко настаивать на определении природы, предоставленном ранним французским социологом Эмилем Дюркгеймом: природа — это то, что остаётся позади или преодолевается для достижения цивилизации и культуры. Но второй взгляд предполагает неустойчивость в этом аккуратном различии между природным миром и его культурным аналогом. Эпигенетика, например, показывает нам, что эти же природные структуры ДНК находят своё выражение, завися от культурных контекстов, и что определённые культурные факторы, в свою очередь, влияют и упорядочивают «природную» структуру ДНК. Такое же нарушение линии, разделяющей культуру и природу, возникает там, где мы думаем о недавней нейропсихологической работе о функционировании лобной доли. Нейроны лобной доли не независимы от каких-либо субъективных или человеческих функций, а скорее существуют только в соответствии с этими культурными функциями: структуры этих нейронов радикально зависят от внешних, социальных приоритетов, таких как внимание, наблюдение за социальными сигналами или посредничество в межличностных отношениях. Если мы удалим эти чисто культурные контексты, мы также одновременно потеряем их природный (нейронный или биологический) аналог, где нейроны структурированы лишь постольку, поскольку они применяются к культурным требованиям.

Мягкость границ между природой и культурой

Психология как дисциплина извлекла выгоду из этой пластичности между тем, что мы считаем культурным, и тем, что мы считаем природным. «Ум», или, по крайней мере, концепция ума, претерпела захватывающий акробатический сдвиг в терминах методов, с помощью которых мы оцениваем его сегодня. Ум был, в более ранних рационалистских и идеалистических контекстах, трансцендентной, если не божественной, функцией. Он рассматривался как измерение человеческого существования, которое бесконечно избегало сведения к кон-

кретным, природным процессам. И всё же появление эмпирического подхода к уму в XX веке через научную психологию окончательно инвертировало это видение ума как не-природного: с развитием нейронауки и биопсихологии ум рассматривается как природный продукт сложной нейронной системы, «сознательный» опыт гомеостатической биологической системы. Однако с одновременным рождением психоанализа ум и его бессознательное измерение снова стали рассматриваться как несводимые к его природному функционированию, но вместо этого были вынуждены Фрейдом отражать противоречивое и репрессивное происхождение человеческого поведения, которое, как он утверждал,

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА

можно было приписать только «недовольству», производимому культурой. Даже квантовая физика делает тревожащее и парадоксальное утверждение, что (природные) субатомные частицы переструктурируются перспективой или способом, которым они измеряются.

В этих случаях природа кажется «открытой» для культуры или имеет смысл лишь постольку, поскольку она воспринимается и форматируется согласно уникально человеческой перспективе. Мы правы, настаивая на природных процессах, на реальности, которая независима от любой культурной формы выражения. И всё же, как я буду утверждать, мы не можем игнорировать тенденцию, по которой эти же природные процессы не могут быть последовательно отличимы от своей противоположной, культурной стороны. Какой бы ни была природа, у неё определённно есть изменчивая тенденция. Как утверждал литературный критик Терри Иглтон, эта нестабильность — центральная черта того, что мы называем культурой:

«Культура — это функционально изменчивый термин в том смысле, что то, что может быть культурным в одном контексте, может не быть таковым в другом. [...] Пить алкоголь — культурное дело, но оно перестало бы быть таковым, если бы это был единственный способ утолить невыносимую жажду. Выжившие после авиакатастрофы в какой-то отдалённой местности, которые взламывают бар с напитками, не устраивают вечеринку. [...] Вы можете носить головной убор в Катаре как знак вашей культурной идентичности, но также чтобы избежать солнечного удара».

Иглтон совершенно прав, указывая, что культурные практики часто балансируют на грани между природным и неестественным, хотя он не делает вывод (который делаю я), что сама природа обычно не регистрируется как природная. Дело не в том, что нет такой вещи, как природа — психология, физика, геология, химия, биология и т.д. все указывают на определённое существование чего-то вне культуры, на существование природного мира. Скорее, на чём я хотел бы сосредоточиться, так это на нашей устойчивой тенденции неправильно понимать, что на самом деле подразумевается под природным, или, скорее, что природа часто выражает себя в решительно культурном смысле.

Примеры изменчивости природы

Эта изменчивость природы становится ещё более очевидной, если мы подумаем о чём-то вроде гомосексуальности. Как хорошо известно, гомосексуальность до недавнего времени считалась глубоко неестественной, даже Американской психологической ассоциацией. Она рассматривалась как отклонение от биологической функции сексуальности, которая была ничем иным, как функцией воспроизводства. И всё же психологические исследования предыдущих десятилетий (исследования, сегодня признанные APA) предполагают обратное: гомосексуальность несомненно природна, полностью объяснима анатомическими и нейрохимическими вариациями в функционировании мозга. Мы, таким образом, сталкиваемся с двумя уверенными и противоположными утверждениями о «природном» измерении сексуальности: как служащей человеческому воспроизводству или как нейро-

анатомически оправданной. В этом смысле гомосексуальность оказывается одновременно и природной, и неестественной. (Стоит отметить, что с зарождением психоанализа вся сексуальность стала рассматриваться как перверсивная и оторванная от природы.)

«Природа всегда отмечена культурной перспективой, от которой мы представляем её отдельной».

Та же проблема того, что мы считаем природным, может быть перенесена на социологический уровень с вопросом о межгрупповом смешении, то есть смешении расово или культурно различных групп людей. С националистической точки зрения смешение социальных и культурных групп по своей сути неестественно — оно развращает независимое развитие конкретной идентичности и прерывает природное развитие расы. С эволюционной перспективы, с другой стороны, межгрупповое смешение производило широкий генетический обмен, который позволил нам адаптироваться к природным ограничениям. Другими словами, с этой перспективы тот же процесс межгруппового смешения глубоко природен.

Эти примеры лишь намекают на определённую проблему, которая возникает всякий раз, когда мы классифицируем что-то как природное или неестественное: что-то может казаться одновременно и природным, и неестественным. Что я предлагаю в этом эссе, так это то, что есть неизбежная случайность идеи природы, или что природа всегда отмечена культурной перспективой, от которой мы представляем её отдельной. Другими словами, и возвращаясь к моему вступительному предложению, когда мы ду-

маем о природе, трудно признать, что мы действительно думаем о самой природе.

Философская амбивалентность по отношению к природе

Но это не новая проблема. Веками философы боролись с тем, что делать с природой, и несёт ли природа «сама по себе» (без посредничества того, как культура относится к природе) какое-либо значение вообще для нас. Стоит указать на некоторые из этих форм философской амбивалентности по теме природы, чтобы лучше понять историческую трудность, с которой природа противопоставлялась культуре.

Природа — враг философии

В своей «Эстетике» Гегель отмечает, что когда художественные творения (чаще всего поэзия) ссылаются на природу, это совершенно пустая и саморазрушительная ссылка. Эстетические устремления, для Гегеля, — это метод для Духа (коллективного агентства или самосознания культуры) сформировать отношение к самому себе, часто необычными, экспериментальными, а иногда даже самоотчуждающими творениями. Главный пункт в том, что искусство — это выражение отношения культуры к самой себе, а также выражение того, что она не может или может распознать о себе. Природа, с другой стороны, — это несубъективное состояние, из которого возникают Дух и культура, и от которого они неизбежно отделяются. Критика Гегелем поэтических ссылок на природу укоренена в идее, что хотя природа действительно существует, природа, о которой говорит Дух, уже окрашена наме-

рением, которое Дух приписывает ей. Природа, присутствующая в эстетике, — не природа сама по себе — и она никогда не может быть чистой формой природы — потому что она запятнана культурной перспективой, которая по определению может существовать лишь постольку, поскольку она удалила себя от любого природного происхождения.

Другие видные фигуры философии XIX века разделяли бы подобное проблематичное отношение к идее природы. Ф. Х. Брэдли, например, сделал смелый аргумент, что природа — это просто видимость, а не фундаментально реальная. Как бы провокационно это ни звучало, аргумент Брэдли был похож на тот, который я сделал выше, основываясь на том факте, что природа очень пластична в своём определении и что она неизбежно приходит к зависимости от политических или эстетических предпосылок, которые определяют то, что мы подразумеваем под природой. Современник Гегеля, Шеллинг, сделал ещё более спорный аргумент, что природа существует лишь постольку, поскольку она может быть выражена для человеческой субъективности, чтобы размышлять о ней — без нашей перспективы сама природа исчезает.

Для Шопенгауэра реальность за видимостью — кантовская вещь-в-себе — представлена как человеческая воля или влечение. С этим компромиссом (от недоступных ноуменов к идентифицируемому, называемому качеству воли) даже вещь за человеческими или субъективными видимостями превращается в субъективно определённую черту: нашу волю или влечение. Другими словами, абсолютная внешность природного мира, от которой человеческая перспектива отгорожена, реприватизируется в

волю самого человечества. Величайший последователь и величайший критик Шопенгауэра, Ницше, сделал бы подобный компромисс. Не только в «Человеческом, слишком человеческом», но и в «Генеалогии морали» Ницше изображает внутренне сконструированный — то есть культурно отформатированный — аспект наших природных истоков или оставшихся инстинктов этих истоков. Например, инстинкты выживания, статуса или доминирования принимают очень необычную форму в развитых индустриальных обществах: выживание — это не просто биологическое или природное воспроизводство, а сохранение культурного наследия. Доминирование — это не просто биологическое понятие физического доминирования для привлечения партнёра, а идеологическое и культурное доминирование через влияние, а не прямое физическое противостояние. Другими словами, ницшеанское использование природного инстинкта становится глубоко скованным современными культурными заботами. С этими философами кажется, что внутренняя сущность природы неизбежно культурна.

«Никакие отношения между природными объектами никогда не исчерпывают множественные возможные значения, которые любой один объект может иметь для другого объекта».

Современная философия и природа

Трудность разделения между природным и культурным не упростилась по мере нашего перехода в философию XXI века, о чём свидетельствует недавнее вмешательство «спекулятивного реализма». Некоторые сторонники этого

движения, такие как Грэм Харман, делают, казалось бы, прямой аргумент, что мы не смогли рассматривать природные объекты сами по себе, вне субъективных отношений. Аргумент Хармана, кратко говоря, заключается в том, что мы ограничили сущность и опыт объектов нашим (субъекта) опытом этих объектов и, делая это, заслонили тот факт, что объекты также относятся к другим объектам, раскрывая и скрывая неисчерпаемый набор свойств: по отношению к книге стол — это препятствие, мешающее ей упасть на пол, но по отношению к огню книга — это горючий объект. Свойства книги очень по-разному выражаются по отношению к столу по сравнению с огнём. Никакие отношения между природными объектами никогда не исчерпывают множественные возможные значения, которые любой один объект может иметь для другого объекта. Другие сторонники спекулятивного реализма, наиболее печально известный Квентин Мейясу, делают более критическое обвинение: мы отказываемся рассматривать бытие без дополнительного фактора мышления. Выражаясь более удобными терминами, философия со времён Канта, согласно Мейясу, настаивала на корреляции природного существования с нашим субъективным представлением об этом существовании и тем самым отрицала природному существованию какую-либо автономию вне культуры. С утверждением Мейясу философия запускает язвительное расследование самой себя, предполагая, что мы не смогли думать о природе в каком-либо подлинном смысле за последние 250 лет.

Но, как уже отмечалось, вопрос не в том, существует ли природа вне человеческого или культурного восприятия.

Скорее, вопрос о трудностях, которые возникают, как только сама культура возникает. Было бы очень трудно отрицать, что есть такая вещь, как природа или природные процессы. Даже если бы мы предположили, что дерево, которое падает, когда никого нет вокруг, не издавало звука, было бы странно отрицать, что было дерево или даже лес в первую очередь. Природные объекты существуют, даже если нас нет там, чтобы наблюдать их. Проблема, которую биология, физика и биопсихология вместо этого представляют нам, заключается в том, что человеческое представление и культура наполняют природу тем, что они видят в ней. Другими словами, природа больше не просто природа, как только она созерцается с культурной перспективы. Природа может предшествовать культуре, но это определённо не гарантирует, что мы будем размышлять о ней нейтрально. Эти различные примеры в основном служат, чтобы предложить простой пункт: что философия долгое время либо скрыто, либо открыто боролась с аккуратным разделением природного от культурного. Что бы мы ни считали обратной стороной культуры — природой, как я использую её здесь, следуя длинной философской традиции, — кажется само-противоречивым. Природа действительно существует, но по всем меркам — от спекулятивного идеализма до нейробиологии — она кажется глубоко нестабильной и разрешена быть познанной культурой только будучи одновременно затемнённой.

Климатический кризис как культурный перекрёсток

Оставляя в стороне прямые философские заботы, самый насущный аспект

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Неестественная сторона природы Рафаэль Холмберг

этого очень странного статуса природы — это климатический кризис. Большинство из нас более чем осведомлены об отчаянном экологическом состоянии, разожжённом человеческой индустрией, и о глобальном климатическом разрушении, первые эффекты которого мы только начинаем видеть. Немногие климатологи сомневаются, что аномальные погодные явления, включая штормы, наводнения, ураганы, засухи или лесные пожары, — это прежде всего природные и очень реальные события. Климатический кризис — это определённое утверждение против любого культурного релятивизма — было бы почти невозможно предположить, что этот кризис указывает не более чем на проблему внутри культуры. Проще говоря, экологическая катастрофа за горизонтом — это определённо реальная проблема. Если бы мы спросили климатолога, действительно ли этот кризис — кризис, относящийся к природе, мы получили бы огульное «да».

Но это не эссе о климатологии. Это скорее размышление о кажущейся неэффективности климатологии в публичной сфере. Публичное и популярное поведение редко, если вообще когда-либо, отражает подлинно ужасное состояние экологической проблемы, выраженной климатологами. Мой аргумент заключается в том, что эта неэффективность не может быть отделена от непоследовательности, с которой мы относимся к самой идее природы. Мы неспособны постичь природу саму по себе, не вводя в неё неестественный фактор или без аспекта культурного релятивизирования. То, что меня беспокоит, — не столько научное знание о климатической катастрофе, сколько устойчивая «окультуривание» этого природного знания.

Как недавний пример этого, нам нужно только взглянуть на недавние лесные пожары в Лос-Анджелесе. До них большинство природных катастроф имели географический и экономический компонент: они в первую очередь затрагивали страны третьего мира и более бедные сообщества. Другими словами, они поддерживали утверждение Найла Фергюссона в его книге 2021 года «Гибель: Политика катастрофы», что любая природная катастрофа одновременно является экономической катастрофой, поскольку она требует экономически нестабильной сети, чтобы позволить природным инцидентам вырасти до действительно катастрофических масштабов. С пожарами в Лос-Анджелесе, однако, возникло исключение. Пострадавшие люди были элитой американской культуры: актёры, режиссёры и миллионеры, которые, казалось, были освобождены от культурной и экономической нестабильности, которая, кажется, подпитывает экологические катастрофы. Мы вспоминаем почти (но непреднамеренно) сатирическое замечание одного репортёра Sky News во время наводнений в Валенсии в конце 2024 года: «такие вещи обычно не случаются здесь». Другими словами, сохранялась надменность, что природные катастрофы не случаются в экономически процветающих районах.

«Там, где кажется, что силы природы наиболее агрессивно подчёркиваются, они одновременно наиболее легко переформатируются как культурные, политические и субъективные проблемы».

Даже несмотря на то, что с пожарами в Лос-Анджелесе казалось, что природа и реальность климатического кризиса

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГГУ-МСХА*

Неестественная сторона природы Рафаэль Холмберг

проясняются, тот же предрассудок, проанализированный веками философии, поднял голову: эта природная катастрофа была реконструирована как проблема культуры. Вместо того чтобы признать природную экологическую угрозу, республиканцы почти единогласно обвинили демократическую политику в пожаре. Их рассуждение заключалось в том, что политика найма DEI, реализованная калифорнийскими демократами, привела к избытку женщин в местных пожарных станциях, и поскольку женщины менее эффективны в борьбе с пожарами, чем мужчины, Лос-Анджелес сгорел как следствие. Как бы абсурдно ни было это рассуждение, оно тем не менее отражает тенденцию обрамлять природу в культурных терминах, которая очевидна с обеих сторон политического спектра. Мы не только всё ещё замечаем следы западного, левого спиритуализма, антропоморфизирующего природу и утверждающего, что «она возвращает свою территорию от нас», но климатический скептицизм рассматривается левыми как одна часть более крупной консервативной констелляции. Эта констелляция обычно включает про-лайф, низкое налогообложение, антиразнообразие, свободный рынок или традиционалистские позиции. Вместо того чтобы быть признанной как всеобъемлющая проблема, несводимая к политическим предпочтениям, климат, таким образом, сводится к одной части среди многих в борьбе прогрессивных партий против правого поворота в европейской и американской политике.

Парадокс, на котором я настаиваю, прост, но странен: там, где кажется, что силы природы наиболее агрессивно подчёркиваются, они одновременно наиболее легко переструктурируются как куль-

турные, политические и субъективные проблемы. Мы видели это с категориями, такими как гомосексуальность. Мы даже видели это с субъективной апроприацией того, что мы считаем глубоко природным (ДНК или квантовые частицы). Мы также видели эту тенденцию бесконечного обмена между культурой и природой, или признания чего-то одновременно культурным и природным, в истории философии. Сегодня, однако, она принимает своё наиболее тревожащее проявление.

Заключение: Проблема понимания природы

Очень легко предположить, что научное единодушие будет сопровождаться личным или популярным согласием. Природные экологические факты достаточно ясны, но, как мы слишком часто видели, природа легко апроприруется, почти сразу представляется как культурное расхождение. В самый момент постижения природы мы очень легко неправильно её понимаем. Другими словами, то, что природно, может так же легко быть культурным, и климатический кризис не исключение.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш был поэтому тревожно прав, когда во время встречи лидеров тихоокеанских островов в 2024 году предположил, что масштаб экологического кризиса «невозможно вообразить». Он не только невообразим в том смысле, что мы не можем знать будущие последствия климатической катастрофы, но и в том смысле, что мы в конечном счёте не можем распознать или вообразить эту природную угрозу, не изменяя и не разбавляя её.

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МСХА*

Неестественная сторона природы Рафаэль Холмберг

Человечество определённо имеет коллективную проблему для противостояния с глобальным потеплением, но важный компонент — это проблема нашего понимания самой природы. То, что я хочу предложить этим эссе, — это то, что обычно не рассматривается экологической политикой и климатологией: субъективное рассуждение и даже сама культура имеют устойчивую тенденцию неправильно истолковывать природу. Как предполагает история философии, а также историческое значение того, что мы считаем «природным», было бы надменно предполагать, что этот предрассудок больше не применяется сегодня. Если мы способны противостоять пластичности и непоследовательности, ко-

торые окрашивают понятие природы и культуры, мы можем быть только лучше расположены, чтобы понять глубокий разрыв между климатологией и публичным поведением. Экология — очень серьёзная угроза, и природные процессы, лежащие в основе изменения климата, не могут быть оспорены. Но трудная проблема — проблема, которую недавние психоаналитические теоретики, такие как Аленка Зупанчич, затронули, — заключается в том, что эта научная определённость не аккуратно коррелирует с популярной мыслью. Чтобы противостоять этому, мы должны противостоять парадоксу, присущему самой идее природы.

* Рафаэль Холмберг — писатель, специализирующийся на философии, политике и психоанализе. Его работа в широком смысле имеет дело с континентальной философией, современной политикой и политической теорией, психологией и культурными исследованиями и появлялась в различных журналах, газетах и изданиях. Холмберг также пишет еженедельный бюллетень «Антагонизмы повседневности» на Substack. Веб-сайт: www.rafaelholmberg.com

Перевод статьи Рафаэля Холмберга «The Unnatural Side of Nature»

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МСХА

